

По благословению митрополита Костромского и Нерехтского Ферапонта

ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО

Издание Православного Просветительского
Братства при храме святых
равноапостольных Кирилла и Мефодия

ВЫХОДИТ С МАРТА 1997 ГОДА

№ 1 (163) январь 2020 г.

С Рождеством Христовым
и Новолетием!

ВРАТА ВРЕМЕНИ

Сегодня вновь открываются врата времени и встает перед нашим взором наступающий Новый год. Через эти врата времени мы видим грядущее Рождество Христово, которое мы будем праздновать всего через неделю. И Рождеством Христовым в этот новый год времени вступает вечность, Живой Бог вступает во время, делается человеком, приобретает плотью Своей всему тварному; время и вечность пронизывают друг друга, и сейчас мы стоим у преддверия этого чуда: время и вечность. Бог и человек соединяются в единый поток жизни и спасения. И как каждый год, когда мы оглядываемся на прошлое и взираем на будущее, нас охватывает боль о том, что столько нет среди нас, почивших теперь сном земли, и вместе с этим зажигается такая радость, что они вступили в ту вечность, которая сейчас потоком льется во время.

И опять, озираясь на прошлое, мы видим, сколь многого мы не сумели совершить в течение этого года: по бессилию, по забывчивости, по косности, по недоброй нашей воле. И перед тем как вступить в новое время, покаемся перед Богом, признаем свои ошибки и соберем с прошлого года опыт жизни, который нам позволит их не повторять и другие подобные ошибки не делать. Весь смысл жизни только в том, чтобы

любить Бога, любить ближнего и чтобы все творилось только во имя этой любви.

В старой сказке говорится, как спросили некоего мудреца: «Какое самое важное время в жизни? Кто самый значительный человек в твоей жизни? Какой поступок всего важнее совершить?»

И ответ был таков:

– Самое важное время в жизни – это теперешнее мгновение, потому что прошлое уткло, а будущее еще не встало; самый значительный человек в твоей жизни – тот, который *сейчас* перед тобой и которому ты можешь сделать добро или зло; и самое важное дело в жизни – в *это* мгновение, *этому* человеку дать все, что может быть ему дано...

Вступим в новый год с этим чувством ответственности и вдохновения; вступим в этот новый год с верой, что сила Божия в немощи совершается: в нашей немощи, как совершилась она в немощи святых, которые были крепки только силой Божией; будем верить, что все нам возможно в укрепляющем нас Господе Иисусе...

И у преддверия нового года мне хочется повторить слова, сказанные в начале войны королем Георгом VI своему народу: «Спросил я стража, который стоял у двери нового года:

– Дай мне свет, чтобы я с уверенностью мог вступить безопасно в неизвестное...

И он мне сказал:

– Вложи руку твою в руку Божию – это будет для тебя лучше, нежели свет, и вернее известного пути»...

Вступим и мы с таким доверием и с такой верой в Новый год; и когда мы будем молиться, чтобы Господь благословил его и нас, станем обращать свои молитвы и к святому Стефану Сурожскому, память которого мы совершаем в первое воскресенье после календарного дня, назначенного празднованию его памяти; пусть он будет тем стражем, тем вратарем, который раскроет нам новый год, который с нами вступит в него и благословит нас, чтобы, подобно ему, мы этот год сделали годом Божией воли и благодати.

А теперь примите от Господа Его благословение, и воспоем молебное пение о грехах наших и о прощении Господнем, о надежде нашей и о верности, которую мы Ему обещаем; и вступим в этот путь без страха, трепетным, благоговейным сердцем.

Митрополит Антоний Сурожский.

В СИЛЕ, В НЕМОЩИ СОВЕРШАЮЩЕЙСЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. В праздник Рождества есть что-то необыкновенное и чудесное, что все мы ощущаем. Это тайна хрупкости жизни и всемогущества Божия. Прежде всего поражает хрупкость жизни этого Младенца, Который рождается, этого Человека, приходящего в наш мир, этого Нищего, изгнанного отовсюду, потому что Ему нет места в человеческих жилищах. Христос – хрупкий Человек, Нищий, Тот, Кто родился, чтобы как все люди умереть. Эта хрупкость – в сердце Рождества, в сердце жизни каждого из нас. Потому что в каждом из нас есть грех, «тайна беззакония в действии», и мы должны это увидеть в подлинном свете. Перед каждым младенцем мы

испытываем чувство невыразимой любви и нежности. Мы надеемся на его будущее. Радость и мир охватывают нас, потому что это будущее – здесь, оно уже начинается. Мы знаем, что время этого будущего уже определено, что оно написано на сердце этого Младенца. Это тайна бесконечной нежности, но также тайна силы.

В Рождестве Христовом Бог приходит к нам в немощи. Бог приходит к нам в Младенце, лежащем в яслях, повитом пеленами. Это Бог, Которому мы поклоняемся, Господь, сотворивший небо и землю. Бог приходит к нам не так, как мы этого желаем – не в торжестве великолепия, преодолевающего все беды, защищающего нас от скорбей, избавляющего нас от

смерти. Напротив, Он приходит, чтобы приобщиться всему нашему пути, беря все на Себя. Это тайна Рождества, тайна встречи немощи и могущества. Бог входит в нашу жизнь, и мы слышим, как Ангел Господень говорит пастухам: «Не бойтесь, я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям. Ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь» (Лк. 2, 10–11).

Для скольких из нас Рождество – благая весть? Благая весть, сотрясающая сердца, благая весть, от которой меркнут все другие вести, благая весть, от которой все другие события этого мира становятся как бы ничего не значащими, даже если это трагические, грозные, жестокие события.

Спросим себя, положи руку на сердце, является ли для нас Рождество Христово такой благой вестью? Мы живем сегодня в мире, где все более обесценивается и презирается человеческая жизнь и отрицается смерть, где считается нормальным убивать миллионы нерожденных детей и растлевать миллионы рожденных. В то время как жизнь каждого человека – чудо. Господь говорит: «Я возвещаю вам великую радость», – потому что жизнь каждого человека драгоценна, жизнь каждого человека таит в себе потрясающие возможности. Верим ли мы, что жизнь каждого человека – чудесна? Среди страшных скорбей, среди всеобщего отступничества человек может найти радость узнавания Бога. Господь показывает нам это в бесчисленных древних и новых мучениках. Он дает нам увидеть это сегодня и в тех, кто, переживая мучительные страдания в неизлечимой болезни, встречает Бога. Христиане ли мы? Являемся ли мы людьми, отважившимися посвятить свою жизнь Богу, отдать себя подлинному добру, стать теми, для кого Бог существует, для кого Бог – не воображаемое Существо, как думают многие, но Тот, Кто Бог, Единственный, Кто существует, Кто содержит все? Единственный, через Кого проходит всё в жизни каждого человека. Любим ли мы Бога? Любим ли мы Его, как любим самое близкое на свете для нас существо, и бесконечно больше, чем кого бы то ни было? Понимаем ли мы, что этот вопрос – центральный в нашей жизни? В празднике Рождества Господь не спрашивает нас ни о чем, кроме того что Он спросит Петра по завершении Своей земной жизни: «Любишь ли Меня?» Каждый из нас должен услышать сегодня эти слова: «Любишь ли Меня больше сих?» Решился ли ты соединить свою жизнь с Моею, решился ли заключить Новый Завет со Мною, в самом ли деле хочешь узнать, что такое смерть и Воскресение? Потому что, в конце концов, Господь ничего не предлагает нам, кроме как войти в Его жизнь. «Я пришел, чтобы имели жизнь, и имели с избытком», – говорит Он. Ужас страдания и смерти – рядом. Господь не отрицает их, потому что Он пройдет через них. Но Он пройдет, побеждая в человеческой хрупкости, в человеческой немощи, облекая нашу хрупкость и немощь в Свою любовь. Потому что по самой глубинной сути не существует ничего – ни истины, ни жизни, кроме как в любви. Только любовь имеет зна-

чение. Кто сказал, что невозможно не унывать, глядя на то, что происходит сегодня в мире? Кто сказал, что один в поле не воин? Понимаем ли мы, почему каждый из древних и новых мучеников мог свидетельствовать: пусть торжествует зло, пусть весь мир отречется от Бога и пойдет войной на одного человека, верного Господу, – один человек может все победить – при условии, что он любит Бога. Все темницы, все рабство, все узы, держащие в плену человечество, будут сокрушены. И именно этого ждет от нас Господь: разорвать узы, которые следует разорвать, и связать себя (как поем мы в стихирах Рождества о пеленах Богомладенца) узами любви Христовой. О каком унынии могут говорить христиане? Радость быть спасенными возвещается нам с небес. Есть ли в нас уверенность среди ночи этого мира, что мы спасены, – спасены в надежде, как говорит апостол? Создаем ли всей своей глубиной, что мы нуждаемся в спасении, в том, чтобы быть вырванными из когтей зла и смерти? Веруем ли в это по-настоящему? Готовы ли все отринуть ради веры в эту истину, ради того, чтобы исполнились над нами слова Христовы: «По тому узнают, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою». Это не просто слова. И потому некий Лукиан, этот «Вольтер древнего мира», с презрением писал о первых христианах: «Они вбили себе в голову, что они – братья». Да, это и сегодня глубоко и прочно «вбито» в наше сознание. В мире холодного расчета и ненависти мы безумны Христа ради: мы имеем безумие веровать в превосходящую всякое разумение любовь Христову. Праздновать Рождество Христово – значит веровать в радость, в полноту радости, в полноту истины радости победоносной, перед яслями Богомладенца, столь хрупкого и всемогущего. Он все победит Своею Крестною смертью и Воскресением. Мы христиане – особые люди. Если бы мы знали, что мы такое, мы стали бы жить иначе. Мир стал бы иным, если бы мы стали тем, чем Господь заповедует нам быть. Господь не обещает магического преобразования мира. Но Он обещает дать нам мир и радость: «Слава в вышних Богу и на земле мир» – тем, кто любит Господа. Сегодня, как на Пасху, в Церкви – торжество любви. Господь предлагает нам глубокую радость жизни. Не только нашей бедной земной жизни, которая будет разрушена смертью, но жизни вечной, Божественной. Во Христе Иисусе

Благая минута настала
Для ангельских сил торжества,
На своде небес воссияла
Святая звезда Рождества.
Весь мир изумленно склонился,
Не в сказке, не в мифе – всерьез,
В обычном вертепе родился
Царь мира – младенец Христос.
О, как возлюбил всех Господь наш,
И твари любой предпочел!
Облечь Себя немощной плотью
Бесчестьем для Бога не счел.
Народы безбожного мира
Пришел Он из плена воззвать,
Рассеянных, слабых и сирых
В единую Церковь собрать.
Вот дьявольский окрик заглушен,
И ада кончается век,
Вновь будет с Отцом своим дружен
В твореньи добра человек...
Но дай же мне, Господи, силы,
Чтоб только достоин я был
Того благодатного мира,
Который Ты людям открыл!

Протоиерей Алексей Зайцев.

Господе нашем мы узнаем друг друга навеки. Всех друзей моих и близких, и тех, кого я с трудом узнаю в лицо, и тех, кого я еще никогда не видел, я узнаю – не так, как мы знаем друг друга здесь, но преображенными в свете Христовом. Мы узнаем друг друга как любящие существа, как те, кто созданы только для радости, как люди мира Христова, в котором полнота Божественной жизни. Аминь.

**Протоиерей
Александр Шаргунов.**

Существует ли сегодня Святая Русь?

Священник Валерий Духанин:

– Для меня Россия и сейчас Святая Русь. Не Русь гипермаркетов и полыхающих мощными огнями реклам, не Русь гордо вознесшихся ввысь небоскребов и развлекательных, опустошающих душу комплексов. Она – Русь величественных соборов и родных сердцу храмов, успокаивающих душу монастырей и чудотворных святынь, угодников Божиих и чистых молитв, Русь крестных ходов и молитвенных стояний, жертвенности к ближним и верности Православию. Для меня Россия только такая, и никакой другой для меня она не может быть. А если в какой-то период времени вспыхивает безбожие или потребительство, любовь к комфорту, как сейчас, то это просто временные болезни, которые приходят и уходят, а Русь Святая останется.

Собственно, главная идея, которую вынашивали наши предки, перед которой благоговели многие поколения русских людей, идея национальная – это святость. Не велеречивая ученость, не изысканная культура, не построение земного Олимпа и феерическое ожидание экономических чудес, тем более не страсти и чувственность, а святость, жизнь по заповедям Христа, по уставам духоносных отцов, благоговение перед теми, кто образ Христов отразил в своей жизни – вот что всегда отличало чаяния русских людей.

И сейчас, не будь в русских людях трепета перед святостью, не собиралось бы столько паломников по монастырям, не выстраивались бы очереди терпеливых просителей к преподобным Сергию Радонежскому и Серафиму Саровскому, блаженным Матроне Московской и Ксении Петербургской. Как и много веков назад наши предки, так ныне и мы теплим свечу перед образами, осознавая свою духовную нищету и вверяя свою жизнь в руки Спасителя и Матери Божией, Николы Угодника и Пантелеймона Целителя. И надо сказать, Господь откликается. Сколько чудес Бог являет людям на Руси, столько, может быть, по всему миру не соберется.

Русь Святая – есть в этом что-то сокровенное, священное, заветное. Этого не увидит тот, кто этим не живет. Это открывается по мере духовного опыта. Но мое личное убеждение: если и дано Руси право быть, то только святой и никакой иначе.

Протоиерей Андрей Ткачев:

– Святая Русь сегодня существует, но в виде Золушки, нелюбимой дочери. Современный мир – это некая мачеха, которая лелеет и пестует своих родных дочурок в виде гордости, сребролюбия, блуда. А драгоценная замарашка – это Церковь Божия, Святая Русь. Это то подлинное христианство, которое находится в миноритарном состоянии, в подавляющем меньшинстве. Причем это меньшинство не сконцентрированное, как в гетто, как соль в солонке, а рассыпанное по обществу, словно добавленное в пищу. Эта соль осоляет собой весь организм российской государственности и российского народа, но она большинством нашего народа или не замечается, или презирается, а некоторыми яростно изгоняется. То есть она поставлена на уровень врага, предназначенного к изгнанию. Церковь продолжает свое воинское шествие через историю, и в нашем народе

эта подлинная святость никуда не исчезла, но ради выживания затаилась, оделась в простую одежду, смимикрировала, поскольку сегодня она очень нелюбима современным миром.

Священник Александр Дьяченко:

– Хотелось бы верить в то, что Святая Русь существует на самом деле. Понятно, что этот образ скорее метафора. Никогда Святая Русь не укладывалась в реальные административно-территориальные границы или во временные рамки. Святая Русь для меня существует вне времени, вне национальной принадлежности и вне конкретной привязке к местности. Для меня Русь Святая – это и мученик младенец Гавриил Белостокский, и праведный Иоанн Русский, и преподобный Иов Почаевский, и великая княгиня Елисавета Феодоровна, и великий князь Александр Невский, преподобные Силуан Афонский и Герман Аляскинский, святитель Иоанн Шанхайский и много-много других радостных моему сердцу имен. Я реально существую среди этих людей, каждый день начиная с молитвы к ним, и еще я живу в своем времени и в реальном поселке городского типа. И радуюсь тому факту, что среди его жителей есть еще те, кому необходимо прийти в храм и молиться во время всеобщего бдения. Их мало, но они есть, и это тоже Святая Русь моего времени.

В центре нашего поселка стоит скромный обелиск с именами тех, кто сложил свои головы за свободу своего народа и своей земли. Для меня эти имена тоже святые, как и имена тех, кто в разное время противостоял и хану Батью, и императору Наполеону. Эти люди жили здесь же, на моей земле, и для них она была драгоценностью. Те, кто строил, приумножал ее богатства, растил детей, берег и защищал с именем Божиим на устах – для меня все они и есть граждане Святой Руси.

Священник Димитрий Шишкин:

– Несомненно, существует Святая Русь! Это, прежде всего, сонм православных людей, так или иначе живших или соприкоснувшихся с нашей, русской землей, ткавших ее историю, язык, традиции и культуру. Сонм людей, в меру своих сил и возможностей, с усердием и самоотдачей послуживших Богу в земной жизни, претерпевших до конца и ныне пребывающих душами с Богом. Люди эти, что называется, «по крови» могли быть даже и не славянами, а некоторые жили тогда, когда и самого понятия Руси еще не существовало. Но эти люди своей верой, соприкосновением с нашей землей, проповедью среди народов, населявших ее, подготавливали и создавали тот особенный мир, который мы называем теперь Святой Русью.

Этот мир реален и неразрушим, как реально и неразруσιμο единство душ этих людей с Богом и между собой в Царствии Небесном. А плоть их (то, что мы называем мощами) освятила нашу землю. И не только мощи – даже и те предметы, которыми пользовались эти люди в своей земной жизни, в своем служении Богу и людям... все те слова и поступки, заветы их, о которых мы знаем, – всё это также священно для нас и является культурной частью Святой Руси.

Эта мысль вполне согласна с мнением святых отцов о том, что «телесное наше, будучи посвящено Богу, духовно есть» (Добротолюбие. Т. 4, с. 35, ст. 4). Об этом всеобъемлющем значении Святой Руси, проникающей собою как духовную, так и душевную и телесную жизнь нашего народа, всем нам важно помнить. Потому что многие русские люди сегодня забывают о высоком значении понятия Родины, неотделимого от понятия Святой Руси. Забывают о том, что понятие Отечества, Родины объемлет собой не только историческое пространство России, но и распространяется далее, не зная границ и географических, политических и этнических разделений. Так что и в Белоруссии, и на Украине, и во Франции, и в Германии, и в Австралии, и в Южной Америке, и в Северной Африке – везде, где жили или живут русские люди, куда забросила их судьба и где они сохраняли и хранят православную веру, язык, культуру и быт, где они привлекали и привлекают своей доброй благочестивой жизнью Божественную благодать, там везде пребывает наше Отечество и Святая Русь.

И те, кто принимает от этих людей благовест о распятом и Воскресшем Господе, о русской жизни и культуре, согласной с православной верой, все они также становятся в той или иной мере участниками Святой Руси.

Разрушить ее или умалить ее значение невозможно, потому что это явление духовное. Только бы нам самим ценить это сокровище, хранить и умножать его. Продолжать доброе и святое дело наших предков по устройению жизни на крепком фундаменте православной веры. Тогда и Святая Русь будет с нами и в нас, и мы будем ее хранителями, продолжателями и строителями. Потому что Святая Русь – это не что-то законченное и остановившееся в своем развитии. Святая Русь – это мир, который продолжает жить и участником которого мы можем и должны быть, это особый дар Бога нашему народу. Дар самобытности и духовного, культурного, языкового своеобразия, освященного Божественной благодатью. И этот дар мы, несомненно, Богу содействующу, должны хранить и приумножать.

Подготовил Юрий Пуцаев.

Русский мир и европейская цивилизация

В последнее время в западной и в либеральной отечественной публицистике много пишут о русском варварстве на фоне европейской цивилизованности. Но если сравнить нравственные идеалы и реальную жизнь народов, полистать героические страницы истории русского народа, то возникает совсем другая картина.

Например, в русском языческом пантеоне никогда не было бога войны, в то время как среди европейских народов понятие о воинственном божестве доминировало, весь эпос построен вокруг войн и завоеваний.

Русский человек после победы над иноверцами никогда не стремился насильственно обратить их в свою веру.

В былине «Илья Муромец и Идолище» русский богатырь освобождает Царьград от поганого Идолища, но отказывается быть воеводою города и возвращается на родину.

В древнерусской литературе отсутствует тема обогащения при завоеваниях, разбоях, в то время как сюжеты на эту тему распространены в западноевропейской литературе.

Герои «Песни о Нибелунгах» одержимы поиском зарытого клада – золота Рейна.

Главный герой древней английской поэмы «Беовульф» погибает, «насытив зренья игрой самоцветов и блеском золота... В обмен на богатства жизнь положил я».

Ни одному из героев русского эпоса не приходит в голову жизнь положить в обмен на богатства. Более того, Илья Муромец не способен принять откуп, предлагаемый разбойниками, – «золотой казны, платья цветного и коней добрых сколько надобно». Он, не сомневаясь, отвергает путь, где «богату быть», но добровольно испытывает дорогу, где «убиту быть».

И не только в эпосе, но и в легендах, сказках, песнях, поговорах и пословицах русского народа долг личной или родовой чести не имеет ничего общего с долгом личной или родовой мести.

Понятие мести как таковое вообще отсутствует в рус-

ском фольклоре, оно как бы изначально не заложено в «генетическом коде» народа, а русский воин всегда был воином-освободителем.

И в этом – отличие русского человека от западноевропейского.

Русский историк и философ Иван Ильин писал: «Европа не знает нас... потому что ей чуждо славяно-русское созерцание мира, природы и человека. Западно-европейское человечество движется волею и рассудком. Русский человек живёт прежде всего сердцем и воображением и лишь потом умом и волею».

Поэтому средний европеец стыдится искренности, совести и доброты как «глупости».

Русский человек, наоборот, ждёт от человека прежде всего доброты, совести и искренности.

Европеец, воспитанный Римом, презирает про себя другие народы и желает властвовать над ними.

Русский человек всегда наслаждался естественной свободой своего пространства... Он всегда «удивлялся» другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся паразитов...».

О милосердии и справедливости русского человека свидетельствует добрососедское отношение к народам присоединённых территорий. Русский народ не творил таких злодеяний, как просвещённые европейцы на завоёванных землях.

В национальной психологии было некое сдерживающее нравственное начало. От природы сильный, выносливый, динамичный народ был наделён удивительной выживаемостью.

Начало.

Пролжжение на 6 стр.

Продолжение. Начало на 5 стр.

На силе духа основывались и знаменитое русское долготерпение, и терпимость к другим.

Под непрерывными нашествиями со всех сторон, в невероятно суровых климатических условиях русский народ колонизировал огромные территории, не истребив, не поработив, не ограбив и не перекрестив насильно ни один народ.

Колониальная политика западноевропейских народов искоренила аборигенов трёх материков, превратила в рабов население огромной Африки и неизменно метрополии богатели за счёт колоний.

Русский народ, ведя не только оборонительные войны, присоединяя, как и все большие народы, большие территории, нигде не обращался с завоёванными, как европейцы. От европейских завоеваний лучше жилось европейским народам, ограбление колоний обогащало метрополии.

Русский народ не грабил ни Сибирь, ни Среднюю Азию, ни Кавказ, ни Прибалтику. Россия сохранила каждый народ, в неё вошедший. Она была их защитницей, обеспечивала им право на землю, собственность, на веру, обычаи, культуру.

Россия никогда не была националистическим государством, она принадлежала одновременно всем, в ней живущим. Русский народ имел только одно «преимущество» – нести бремя государственного строительства.

В результате было создано уникальное в мировой истории государство, которое русский народ защищал своей кровью, не щадя жизни.

Именно потому, что на его долю выпали такие страдания и колоссальные жертвы, мой народ принял, как свою собственную боль, страдания других народов под гнётом гитлеровских фашистов.

И после освобождения родной страны с таким же самопожертвованием, с такой же энергией освободил пол-Европы.

Вот какой был героизм! Вот какой силы духа людей рождает русская земля!

И думается мне, что на такой подвиг даже великий народ может решиться один раз в века.

Патриотизм, который продемонстрировал русский солдат на полях Великой Отечественной войны – это патриотизм высочайшей пробы, которого не знала ни мировая, ни отечественная история. И я никогда не соглашусь с высказываниями в прессе о русском «варварстве» и европейской «добродетельности».

Я горжусь, что такими красивыми, стойкими, мужественными и выносливыми были наши предки, наши героические предки, а мы – их потомки!

Анна Жданова,

16 лет, ученица Радьковской школы
Прохоровского района,
участница областного конкурса юнкоров
«Свой голос».

■ *Тема дня*

ОДИНОЧЕСТВО: БЕДА? ВИНА? РОСКОШЬ?

Психолог Ирина Медведева в соавторстве с Татьяной Шишовой написала за последние годы много книг, названия которых говорят сами за себя: «Безобразия в образовании», «Логика глобализма», «Потомки царя Ирода» (о практике «планирования семьи»), «Приказано не рожать», «Иван Царевич, он же серый волк» (о влиянии СМИ на детей и молодежь) и другие. Мы решили поговорить с Ириной Яковлевной об одиночестве человека в современном мире, потому что эта тема, как нам представляется, очень близка ей – как ученому, как психологу-практику и как православной христианке.

– Вы согласны с тем, что одиночество человека в мире – это характерный признак именно сегодняшнего дня? Что в иные эпохи человек был менее одинок?

– Да ведь мы все очень хорошо чувствуем, что раньше, хотя бы в советские годы, общение было другим. Люди не смотрели телевизор столько, сколько смотрят его сейчас. Телевизор не занимал душу и сознание человека так, как сейчас, не создавал этого суррогата – суррогата общения и сопереживания. Люди любили ходить друг к другу в гости, часами говорили по телефону, многие любили писать длинные письма. Душа и ум человека пребывали в напряжении, в ожидании. Люди ждали встречи, чтобы пообщаться. Как ни парадоксально, тогдашний режим с его информационным и духовным недокормом тому способствовал. И, заметьте, общение не сводилось к примитивному обмену информацией. В дружеских встречах была еще какая-то таинственная радость. Существует ведь тайна отношений: и любовь, и дружба, и вообще любое тяготение людей друг к другу таинственны. Непонятно, почему эти двое любят друг друга, и точно так же непонятно, почему те двое становятся друзьями. Когда перекрывается эта таинственная глубина, когда человек становится одномерным – оскудевает любовь. И дружба – как форма любви. Люди становятся одинокими. Но это не тот случай, когда от одиночества страдают. Люди не страдают, потому что этого не осознают, и такое нестрадание, быть может, страшнее страдания. Человек не хочет менять телевизор на живое общение: он не хочет отрываться от компьютера, чтобы увидеть другого человека. Насколько нужно быть душевно поврежденным, чтобы поглощать все эти мыльные сериалы, все эти пошлейшие шоу-программы, чтобы это заменяло живых людей! Здесь какой-то замкнутый круг: чем больше люди смотрят телевизор, тем больше они опустошаются, а чем больше опустошены, тем меньше у них того, чем они могли бы поделиться с другими, тем они друг для друга скучнее и тем, соответственно, меньше причин для встреч.

Вот почему сегодня принято утилитарное, функциональное отношение к человеку – о нем вспоминают только тогда, когда он зачем-то нужен.

– Но не в телевизоре же причина!

– Не в нем, конечно. Телевизор скорее следствие, он – наркотик, который принимают, чтобы заглушить боль. Главная, может быть, причина того, что мы не хотим или не можем сегодня общаться, – это глубокое и далеко не всегда осознаваемое чувство стыда. Стыда за то, что произошло. За то, что мы позволили сделать. Вместе с советской властью мы отдали свою страну, отдали те ценности, которые все же сохранялись в ее условиях. А главное, за что? За бантики, фантики, наклейки. Большая совесть – вот что разобщило людей сегодня. Мы просто не хотим признаться себе и друг другу, что несем ответственность за происшедшее, что виновны, что поддались соблазнам, и не признаемся в этом глубоко захороненном стыде ни самим себе, ни другим.

Мы предали своих бабушек и дедушек, отцов и матерей, которые жили при советской власти и верили в какие-то идеалы — ложные, да, но все же более высокие, чем нынешние, совсем уж убогие, трехкопеечные (хотя и стоят иногда миллионы) идола и кумиры. А сегодня мы предаем своих детей, позволяя воцариться такому чудовищному злу, как ювенальная юстиция.

Принято говорить, что мы живем сегодня в деидеологизированном обществе. Но на самом деле нам вот уже двадцать лет кряду впаривают вполне определенную идеологию. Одиночество — это следствие навязываемой идеологии эгоизма. Именно навязываемой! А эгоистическая идеология ведет к пресекновению жизни.

Вы помните, с чего эта идеология начиналась? Мы заглатывали те подлые установки, которыми были переполнены СМИ, — про то, что хватит кормить Африку и Латинскую Америку, когда самим нечего есть. Потом перешли к Союзу: хватит кормить нахлебников типа Средней Азии, в которой, кроме дынь и хлопка, ничего нет, а ртов хоть отбавляй — плодятся, как кролики. Советский Союз распался — взяли за Россию, заговорили о дотационных, депрессивных регионах: они, дескать, только берут и ничего не дают. Вскоре пошли дальше: советовали людям поменьше интересоваться тем, что происходит вокруг, особенно политикой, а больше внимания уделять семейным делам. В конце концов и до семьи добрались — о самых близких, оказывается, тоже не надо заботиться. Недавно одна моя знакомая — мы с нею ходим в один храм — сказала, что посещает замечательные курсы при наркодиспансере, где лечится ее муж, и там ей объяснили, что мужа надо оставить, потому что у нее своя жизнь, и ее ни в коем случае не следует отдавать мужу-алкоголику. Ему же все равно уже не помочь, к чему бессмысленные жертвы? Эта идеология — «ты должен заботиться прежде всего о себе и любить себя» — пронизывает общество, и как тут не быть одиночеству? Ведь общение — оно всегда затратно. Всегда хоть маленькая, но жертва. Мы имеем дело с расцветшим безрелигиозным гуманизмом. Гуманизм может казаться хорошим, только пока он еще не расцвел, пока это бутон. Тогда нам кажется, что все мы братья и все друг друга любим. А потом, когда гуманизм с его витальными, низовыми ценностями расцветает, люди подсаживаются на иглу комфорта и готовы за него отдать не только общение с друзьями, но и самых близких родных. Вот тут-то и становится ясно, что розовый бутон вовсе не был бутоном розы.

— Я часто вспоминаю рассказы своих старших родных о войне и думаю: неужели нам всенародное бедствие нужно для того, чтобы вновь ощутить себя братьями и сестрами? Подобные мысли, кстати, возникают у многих старых людей, пытающихся сегодня осмыслить пережитое и переживаемое.

— Да, от людей старшего поколения мы знаем, что Великая Отечественная война — всенародное бедствие, которое можно было пережить и преодолеть только всем миром и только принося себя в жертву за други своя (Ин. 15, 13), — сплывала людей. Но ведь и сегодня идет война, а мы не хотим себе в этом признаться. Это очень страшная война, и она имеет, с одной стороны, скрытый характер, с другой, в духовном отношении, — уже очень открытый. А люди этого не чувствуют, они не хотят оторваться от своего комфорта, от своего телевизора. Им кажется, что пронесет как-нибудь, устроится, а сегодня по телевизору такая интересная передача...

Война, о которой мы уже начали здесь говорить, — война Бога и дьявола. Враг рода человеческого очень успешно прекращает этот род. Мы теряем по миллиону в год, это военные потери. И не только никак не объединимся, но, напротив, все больше атомизируемся. Если ситуация не переменится, наступит то, что называют точкой невозврата.

Но Господь милостив; ближайшие перспективы должны, наконец, напугать нас по-настоящему. Если мы не проснемся, если мы просим введение ювенальной юстиции, то очень скоро любая тетка из органов опеки сможет прийти в любой дом и забрать детей — только потому, что она увидела трещину в потолке, или мама дала ребенку подзатыльник, а он кому-то на это пожаловался, или соседи видели, как дети поливают грядки — налицо эксплуатация детского труда. Морально и духовно мы практически сдали своих детей, но когда нам предложат сдать их еще и физически — нам придется преодолеть свой эгоизм, свое уютное одиночество, свое безоблачное уединение — и объединиться. У нас, у русских, большое преимущество перед Европой: мы хорошо знаем, что такое ГУЛаг, и это поможет нам распознать новый ГУЛаг, только другой, комфортный — тот, который для нас сейчас строят. Мы с моим постоянным соавтором Татьяной Шишовой недавно были в Швеции, в Дании, в Финляндии. Мы видели, что там происходит: люди боятся пикнуть, хотя многие из них в ужасе от тоталитарной и при этом законодательно закрепленной власти порока. В Швеции даже в солнечный день опасаются зашторивать окна. Потому что если окно зашторено — значит, семья что-то прячет, значит, ее надо проверить. Все должно быть прозрачно!

— Однако же на Западе люди открыты, доброжелательны, отзывчивы, а у нас...

— Я много езжу по нашей стране и не сказала бы, что россияне менее доброжелательны и отзывчивы, чем на Западе. Конечно, с недоброжелательностью можно столкнуться, но с нею и на Западе можно столкнуться в каких-то случаях. Наши люди на самом деле очень много помогают друг другу. Причем, по моим наблюдениям, гораздо более искренне, чем европейцы. И это дает надежду: то, что мы переживаем сейчас — еще не мрак, а только морок. Время, чтобы опомниться, пока есть.

— Мне представляется, что очень важно преодолеть этот морок всем нашим поведением, каждодневными поступками. В транспорте, например: бабушка, за которую вы заступились, попросив молодого человека уступить ей место, — она ведь уже не будет чувствовать себя одинокой.

— Но знаете, что самое интересное? Эти ребята тоже перестанут чувствовать себя одинокими, если вы сделаете им замечание и попросите уступить бабушке место. У меня есть личный опыт, позволяющий сделать кое-какие выводы психологического характера, — я ведь все-таки детский психолог.

Несколько лет назад я дала себе слово: никогда не взирать спокойно на подобные картины — стоящую бабушку и сидящих парней. Я каждый раз подхожу к этим ребятам и говорю, что неплохо бы место уступить, — тихонечко, на ухо, чтоб не оскорбить их стыдливость. Правда, уши у них чаще всего заткнуты наушниками, поэтому вначале они считывают вашу речь с губ. Потом вынимают наушник из одного уха, а в другом оставляют. И хотя кажется, что они не очень-то довольны моей просьбой подняться, уступить место старушке, лишиться комфорта — я каждый раз читаю в их глазах тайную и, возможно, неосознаваемую радость.

Продолжение на 8 стр.

Продолжение. Начало на 6 стр.

Знаете почему? Потому что они не одиноки, раз кому-то из взрослых еще есть дело до них, до того, как они себя ведут; потому что есть еще взрослые, которые проявляют свою взрослую власть, а значит, небо еще не упало на землю и жить не так страшно. Они в какой-то степени, может быть, ненадолго, но успокоены и умиротворены моим замечанием. Так же, как и те подростки, которые идут по улице и разговаривают матом. Они ведь давно уже не ругаются матом, а именно разговаривают. Сделаешь замечание – фыркнут в ответ, но материться тут же прекращают, и лица просветляются. Что еще нужно, чтобы увидеть, что мы предали и своих детей? То, что происходит сегодня – это какой-то молодежный холокост. В переводе на русский – жертвоприношение. Мы растим поколение людей, у которых не будет ни любви в истинном смысле этого слова, ни дружбы. Сплошное «партнерство». Потому что их развратили с младенчества, потому что, украв у них сокровенную и драгоценную тайну любви, взамен дали «секреты безопасного секса». Якобы заботясь об их счастье, мы растим их эгоистами, эгоцентриками и обрекаем на одиночество в будущем. Многие из них будут реально одиноки – не выдержат трудностей супружества, а то и вовсе не женятся и не обзаведутся детьми. Потому что семья, дети – это жертва, это затрата, это преодоление эгоизма.

– Да, я знаю много таких молодых людей – красивых, здоровых, умных, успешных, совершенно сознательно не спешащих обзаводиться семьями. Им нужны партнерши, но не нужны жены. И самое страшное – они не хотят продолжаться, детей иметь не хотят. Это уже почти патология... Но мы с вами принадлежим к Церкви и должны поставить вопрос таким образом: может ли она воздействовать на общественную ситуацию?

– Церковь, православное сообщество сегодня – авангард такого движения к норме. Причем сохранение, а особенно утверждение христианских ценностей уже приобретает форму исповедничества. Мир так быстро становится безумным, и это безумие насаждается как норма, даже как эталон. И получается, что только христиане имеют мужество открыто исповедовать норму. Это подвиг своего рода. Катастрофы не произойдет, по крайней мере, она будет отсрочена, если православные христиане соберутся с силами. Если мы не станем блять, как овцы, – не овцы стада Христова, а овцы, ведомые на убой: дескать, мы бессильны, мы ничего не можем, да и не должны «лезть в политику». А должны только сидеть в своей спасительной норке и молиться, тем более что многие из нас не умеют ни писать статьи, ни выступать на митингах. В Великую Отечественную войну все воевали, каждый вносил свою лепту в Победу – и тот, кто бил по врагу прямой наводкой, и тот, кто шил варежки, и тот, кто воспитывал детей в эвакуированном детском доме, и кто растил хлеб, и кто ездил по фронтам с концертной бригадой. Каждому находилось дело.

И сегодня каждому найдется дело. Нужно встречаться с близкими по духу людьми, обсуждать ситуацию и решать, что делать. Даже обсуждать политику. Мы привыкли брезгливо к ней относиться, но сейчас не то время, когда можно позволить себе быть вне политики. Сегодня приходится вникать в политику, в законопроекты вникать, чтобы не проворонить какой-нибудь вредоносный закон, направленный на упразднение, на разрушение жизненной нормы. Чувство одиночества сегодня – это роскошь, недопустимая в условиях военного времени.

– Но разве верующие этого чувства не испытывают... хоть оно и роскошь, по Вашим словам? Его ведь все равно не избежишь.

– Да нет, конечно, одиночество нередко переживается как страдание, как мука. Но ведь и муку эту Господь посылает нам для того, чтобы мы на скорбном личном опыте познали: мы не одни, даже когда мы физически одиноки. Мы с Богом, а Он с нами – не бойся, только веруй (Мк. 5, 36). Что такое истинное переживание одиночества для верующего человека? Что для него самое страшное? Чувство богооставленности. Это страдание, которое испытывал Иов, – ему казалось, что он покинут Богом, и именно от этого, как написал в одном из своих прекрасных эссе архимандрит Рафаил (Карелин), а не от свалившихся на него несчастий он страдал больше всего. Но нам не стоит примерять эту ситуацию на себя. Даже самое слабое (как у большинства из нас) богообщение выводит человека из одиночества. В таком блестящем обществе святых – как можно почувствовать себя одиноким? Когда читаешь жития, не чувствуешь себя одиноким, напротив, чувствуешь себя счастливым оттого, что приобщился хоть немного к этой невысказанной, ни с чем не сравнимой красоте.

Если говорить об одиночестве как о личном чувстве, то оно очень субъективно, более субъективно, может быть, чем прочие наши чувства. Оно зависит от того, в чем и в ком человек нуждается, с кем и с какой именно целью он хотел бы общаться.

Мне представляется, что хроническое чувство одиночества свойственно в большинстве своем людям эгоцентричным. Они нуждаются в повышенном внимании, это с одной стороны, а с другой – по природному своему пессимизму считают, что вниманием этим обделены. А еще бывают люди с очень высокой самооценкой, с чувством собственной уникальности – они часто говорят о своем одиночестве, чтобы окружающие поняли, насколько этот человек для них недосыгаем.

– Но ведь как часто бывает, что нам не хватает какого-то человека, может быть, одного единственного – того, например, с кем мы могли бы обсудить какую-то мучительную, запутанную ситуацию.

– Не хватает человека – это все равно следствие эгоизма: мне не хватает. Чем так страдать, не лучше ли посмотреть вокруг, «где кто-то убит, и кто-то забыт, и кто-то один» – я цитирую строчку из поэмы Ольги Седаковой. Посмотреть и увидеть, сколько страждущих неподалеку от тебя, скольким не хватает именно человека рядом. Сколько людей из-за своей физической немощи не могут просто выйти на улицу...

Да, когда-то в нашу жизнь входят безвозвратные потери, и кто-то, в конце концов, остается совсем один. Но я на собственном опыте убедилась в том, что страдание оставшегося – это тоже следствие эгоизма, жалость к себе, саможаление. Полтора года назад у меня умер муж, с которым мы были близки, причем с детства – мы учились в одной школе. Когда по-настоящему любишь человека – думаешь не о том, как будешь теперь без него страдать (хотя очень страдаешь, скучаешь), а о его посмертной участи. Это так занимает тебя, и ты так на этом концентрируешься, что тебе до твоего одиночества попросту нет дела – не до того!

Вообще-то, мой уже немалый опыт показывает, что человек, у которого есть подлинная – любовная, а не функциональная – потребность в людях, не будет одинок. В одиночестве люди, как правило, виноваты сами.

С Ириной Медведевой беседовала Марина Бирюкова.

■ *Беседы со священником*

Рубрику ведёт протоиерей **Виталий Шастин**, руководитель отдела религиозного образования и катехизации Костромской епархии.

Почему человек впадает в отчаяние и в чём опасность такого состояния?

Тема отчаяния весьма актуальна для нашего современного общества. К отчаянию человека приводят уныние и печаль – тяжкое состояние и страсть греховная. Безрадостное состояние души может быть свойственно и богатому человеку, и бедному, и человеку, находящемуся во власти, и человеку, лишённому всякой власти и даже свободы. Состояние это не определяется внешними успехами или внешними неудачами. В буквальном смысле слово «отчаяние» – это потеря чаяния, т.е. утрата всякой надежды. Причин множество. Часто человек страдает из-за того, что ему кажется, что у него недостаточно денег: если бы у него денег было больше, то он свою жизнь сделал бы счастливой. Этот миф активно развивают, например, наше современное искусство, телевидение, которые сделали комфорт, материальное благополучие неким идолом. Однако существует много доказательств в окружающей жизни, что не в деньгах счастье, и не в их количестве.

Много печали современный человек испытывает от состояния семьи, и на самом деле по новозаветному пророчеству мы знаем, что в последнее время оскудеет любовь, и эта любовь будет ещё оскудевать из-за умножения беззаконий. Чем больше беззаконий, тем меньше любви. Чем меньше любви, тем меньше радости. Чем меньше радости, тем больше уныния, печали и отчаяния.

И вот сегодня такая беда, что даже семья, которая всегда понималась в нашем народе как та среда, где ребёнок рождается и сразу приобретает счастье, заботу, любовь, настолько утратила радость от своего бытового устройства, что многие начинают искать себе утешение вне семьи, за пределами семьи. Семья им кажется тем бременем, которое они не могут понести: она им мешает развиваться, реализовывать себя в своём творчестве, во внешнем общественном служении, в труде и т.д.

Тоска, печаль и отчаяние находят на человека, когда он видит, что проблема существует не только на уровне его семьи, но и на уровне народа. Оскудело благочестие, и народ стал не народом Божиим, а вообще неизвестно чем: это иногда оскотинившийся, иногда озверевший, иногда осатаневший народ, который не знает, не ищет и даже не интересуется правдой Божией, а изобретает свои ценности, правды и, отпадая от Божиего промысла, от Божией любви, обрекает себя на сложное бытие.

Самая большая печаль и самое большое отчаяние охватывает человека, когда у него нет веры в Царствие Небесное, нет надежды на жизнь буду-

щего века, когда у него нет мужества для того, чтобы противостоять злу и быть крепким в добродетели, поэтому сегодняшние отчаяние и печаль связаны ещё с отсутствием духовного мужества. В связи с этим я хотел бы отметить, что Церковь учила и всегда учит о таком явлении, как страх Божий. Страх Божий – это такой страх, при котором человек боится совершить зло, причинить страдание другому, человек боится греха, потому что грех разрушает любовь к Богу и любовь к ближнему. И вот сегодня у человека нет страха Божиего, а есть страх бесовский: всё, что касается земных проблем, – это страхи бесовские, а тот человек, который боится Бога, не боится никаких лишений и страданий, у него нет бесовского страха.

Человек, имеющий бесовский страх, беспокоится о своих накоплениях, о зарплатах – обо всём, а грех для него не страшен, и он готов идти на любые грехи: воровство, казнокрадство, взяточничество и т.д. Такой человек совершенно бесстрашно рушит самые добрые отношения с друзьями, со своими руководителями, с членами семьи. Когда человек живёт грехом, надежда на Царствие Небесное и вера духовная в нём отсутствуют, и тут ещё больше на него может нападать отчаяние.

Чего сегодня нам не хватает? Нам не хватает элементарного мужества и умения при всех наших трудностях видеть радость в своей жизни. У нас есть много времени для изучения разных точных наук. Мы готовим детей к тому, чтобы они были профессионалами, но к источнику жизни, к Богу мы их не ведём. Этого нет в школьных программах, на это не хватает времени, потому что и папа, и мама с утра до вечера работают, им не до церкви, не до молитвы, нет времени, чтобы остановиться и подумать о смысле жизни.

Если человек живёт только биологическим, чувственным бытием, душевным, но не духовным, неудовольствие жизнью у него будет присутствовать. Человек бездуховным быть не может, он духовный всегда. Только эта духовность может быть от Духа Свята, а может от духа бесовского: это тоже духовность, но, когда человек не причастен к благодати, то и жизнь его не благая. И вот это безблагодатное состояние, может быть, и мудрое, может быть и грамотное, профессиональное, но оно безблагодатное. А отсутствие благодати в сердце человека ведёт как раз к отчаянию.

Помоги нам, Господи, не лишиться Твоего Промысла, Твоей благодати, Твоей любви. Дай нам Бог с этого пути святоотеческого не сбиться.

■ Душеполезное чтение

Рука помощи

В тот вечер она долго бродила по улице – хотелось побыть одной вдали от шума и гама, который окружал ее с утра и до поздней ночи (или раннего утра) в институте, в клубе, во дворе; вдали от угарно-душливого воздуха вечеринки, где так весело поблескивали глаза от дыма марихуаны, и где так легко было оторваться ввысь всего лишь от холодного прикосновения иглы; вдали от самой себя, такой какой ее знали друзья и приятели, соседи и учителя; вдали от холодного города. Хотелось раствориться в людском потоке, в свете неоновых огней, фонарей, в урчании моторов; превратиться в маленькую незаметную капельку в безбрежном людском океане; или кинуться всем им, равнодушным прохожим, под ноги и ждать, когда они ее затопчут и смешают с грязью. Может быть это будет лучшим выходом? Может это поможет ей наконец-то обрести то, что грезится в снах; в проезжающих мимо автомобилях, автобусах; поблескивает в ночных витринах? Кажется, все это так рядом, протяни руку и оно будет твоим, но ладонь почему-то всегда сталкивается с холодным упругим воздухом, отчего заиндевшее сердце съезжившееся сердце гулко ударяется о грудь и бьется в нервной истерике. Она что-то потеряла, но не могла вспомнить когда. Перебирала в памяти день за днем все улыбки, шутки, смех, всех своих подружек и друзей; силилась отыскать нечто неуловимое, незнакомое, но такое родное и узнаваемое, что казалось оно вот-вот вынырнет из укромного уголка и накроет ее всю без остатка. Почему-то в самый неподходящий момент выпрыгивали искаженные лица с той самой вечеринки, когда впервые попробовала терпкое вино и выкурила свою первую сигарету; где она смеялась и танцевала полуголая под дождем и где познакомилась со своим первым парнем; или всплывала длинная вереница дней, некогда интересных и манящих, а на самом деле приторно нудных и похожих друг на друга – томительные пары, перекуры в институтском туалете, треповня по телефону, пьяные вечеринки, тлеющие косяки, пустые бутылки, прогулки по улицам, равнодушные лица, пошлые шутки... все это казалось таким далеким, нереальным, словно происходило не с ней и не в этой жизни, словно она, все это время застывшая, стояла где-то в сторонке, а жизнь проносилась мимо искаженной кинолентой дурного сериала, в котором сценарист из серии

в серию повторял одно и то же, и злой на главную героиню старался причинить ей как можно больше боли; в котором ее замечали только, чтобы использовать и выбросить; в котором весь мир был равнодушно-холоден к ней – ведь она всего лишь одна из миллионов песчинок в огромной человеческой пустыне.

– Тебе ли ныть! – швыряла подруга в лицо, и она молчала, хотя в такие минуты ей хотелось закричать на весь мир, сорвать с себя все эти дорогие шмотки; золотые серьги, подаренные на день рождения; разломать навороченный телефон, только бы получить то, что так хотелось, что так грезилось во сне и светилось в глазах прохожих; только бы сбросить весь тот холодный пепел, который ржавчиной разъедал сердце и замолкал только в угарном тумане «веселья», но все это так и оставалось несбыточной мечтой, далекой сказкой из другой жизни, из другого фильма.

– Тебе ли ныть!

Домой она пришла рано – на первом начинались ночные новости, и горячо любимый папаша с пивом в руке устраивался у телевизора; мать накладывала очередную маску на лицо; сестра, надувшись, сидела на диване. Собака ластилась и скулила у ног, но она молча прошла в ванную и долго там плакала под рев взбешенной струи, смывающей с нею всю ту грязь, которая липла и липла к ней всю жизнь, изо дня в день. И больше всего ей хотелось, чтобы сейчас, когда она, закутавшись в халат, бежит в комнату, к ней подошел хоть кто-нибудь и прошептал то, что она так жадно ищет, чего ей так не хватает, но все, словно, и не замечали, что в их жизни появился кто-то еще, такой же живой, как собака, которую так усердно гладила и ласкала сейчас мать, и с которой играла сестренка, и которую кормил отец. А она... она сидела в своей комнате и смотрела на застывшие по стенам отблески ночного города, манящего и зовущего к себе, но внезапно соскочила и кинулась к шифоньеру, и стала срывать с вешалок платья, юбки, надоевшие блузки, раскидывала джинсы, пока не нашла то самое платье, в котором она когда-то была по-настоящему счастлива в такие короткие часы выпускного. И спешила, и путалась в кружевах, пока одевала его, и бежала к окну, манящему, протягивающему руку, и вдыхала ворвавшийся сыроватый аромат бурлящей жизни, и то закрывала, то открывала глаза и оглядывалась зачем-то на специально приоткрытую дверь, чего-то ждала, на что-то надеялась. Но только приглушенные звуки рекламы залетали в щель и смешивались с шумом машин и выкриками мальчишек во дворе. Ноги закаменели, по венам заструился твердеющий свинец, сердце колотилось как бешенное, словно тянуло ее назад, назад в унылую пустую жизнь, но высота манила, звала к себе, и она решилась. Шажок, еще один и... вдруг что-то кольнуло ее в спину, руки невольно схватились за раму, и она отшатнулась назад, вглубь комнаты, обернулась и долго смотрела на столб света, падающий в приоткрытую дверь, и никак не могла понять, отчего ей так не по себе, словно кто-то невидимый стоит рядом. Снова повернулась к окну, но теперь уже никак не могла решиться сделать последний шаг, так и тянуло вновь обернуться, поискать того, кто продолжал упорно смотреть в спину, кто обжигал своим взглядом, заставляя поживать.

Она не смогла, соскочила с подоконника, и, сотрясаясь в рыданиях, осела на пол. Ворвавшийся ветер хлопнул дверью, застонали оконные створки, словно злились на глушую девчонку, которая так и не смогла собрать волю в кулак, которая никогда не умела говорить «нет», даже сейчас, когда хотела бросить его в лицо самой жизни. И она, размазав слезы по щекам, уже было потянулась к окну, чтобы захлопнуть его и оборвать злые попреки, но внезапно заметила лежащую посреди комнаты икону. Когда-то она принадлежала бабушке, — тоненькая бумага наклеенная на маленький кусочек картона, — а теперь лежала в шифоньере среди груды вещей. Печально смотрела с нее Богородица, и казалось, что вот-вот по выцветавшей бумаге побегут ее слезы.

Она подошла, подняла икону с пола, и долго смотрела на нее, вспоминая как бабушка перед смертью сжимала лик в своих немощных руках, что-то шептала, плакала, и старое морщинистое лицо разглаживалось, глаза загорались живительным огоньком, — тяжелая болезнь словно отступала.

— Но я не умею молиться, — невольно шептали губы, и хотелось отложить икону в сторону, но не было сил оторвать взгляд от лучающегося сочувствием и печальным ликом. Казалось он живой, куда-то зовущий, отчего вновь по щекам сбегали обжигающие слезы, но теперь они почему-то принесли облегчение. Облегчение от того, что внезапно в этом мире вдруг появился кто-то понимающий, сочувствующий; кому можно довериться, кто не придаст и не бросит, кто всегда выслушает, и наверняка поможет. И она сама не заметила, как зашептала свои первые слова молитвы: «Боже, если Ты есть, спаси меня!». От этих слов в душе рождалась надежда, а боль, давно разъедающая сердце, наоборот, растворялась, уступая место чему-то мягкому, теплomu, родному и некогда потерянному, но возвращенному вновь. А потом она заснула, и на утро проснулась обновленная, словно вчера сбросила с себя всю грязь, что копилась годами, и незримый огонек, вспыхнувший в сердце, указывал ей новый Путь.

Традиция Рождественской ёлки в Православии

Появление обычая ставить в домах ель в праздник Рождества Христова предание связывает с именем апостола Германии св. Бонифацием (+ 5 июня 754 г.). Проповедуя среди язычников и рассказывая им о Рождестве Христовом, он срубил дуб, посвященный богу грома Тору, чтобы показать язычникам, насколько бессильны были их боги. Дуб, падая, повалил несколько деревьев, кроме ели. Бонифатий назвал ель деревом Младенца Христа. По-видимому, сначала ель ставилась в праздник Рождества Христова без украшений. Она сама, стройная, красивая, источающая густой приятный запах, была украшением дома. Обычай наряжать ель появился после Реформации в протестантских странах.

В России установление елки, по-видимому, восходит ко времени правления Петра I. Православная церковь праздновала начало новолетия 1-го сентября в память победы, одержанной Константином Великим над Максентием в 312 г. В 1342 году при митрополите Феогносте решено было начинать как церковный, так и гражданский год с 1-го сентября, что подтверждено и на соборе 1505 г. Празднование нового гражданского года и церковного тесно переплетались.

1700 год в России отметили дважды. Сначала 1 сентября. А 20 декабря 1699 г. Петр I принял указ «о праздновании нового года». Он приказал перенести начало года с 1 сентября на 1-е января 1700 г. Вместе с тем Петр I повелел в этот день украсить дома «сосновыми, еловыми и можжевеловыми ветвями, по образцам, выставленным в Гостином дворе; в знак веселья друг друга обязательно поздравлять с новым годом». На Красной площади были устроены огненные потехи.

Введенный Петром I обычай приживался с трудом. Еще в начале XIX века елки ставились только в домах петербургских немцев. Повсеместным украшением елка в России стала только в конце XIX столетия. Однако в 40-е годы того же столетия она стала входить в быт русского общества. Об этом можно судить по рассказу Ф.М. Достоевского «Елка и свадьба», опубликованного в сентябрьском номере «Отечественных записок» за

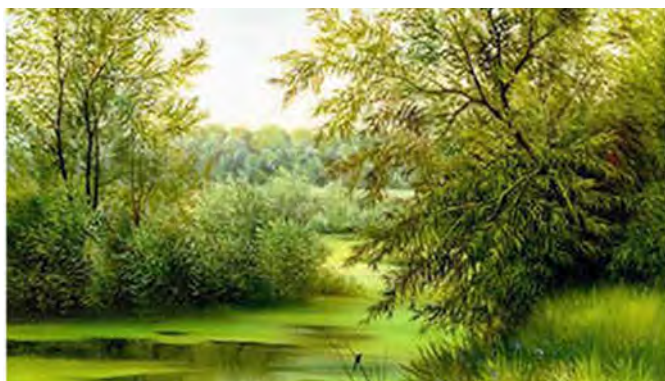

1848 год: «На днях я видел свадьбу... но нет! Лучше я вам расскажу про елку. Свадьба хороша; она мне очень понравилась, но другое происшествие лучше. Не знаю, каким образом, смотря на эту свадьбу, я вспомнил про эту елку. Это вот как случилось. Ровно лет пять назад, накануне Нового года, меня пригласили на детский бал».

Ставить и наряжать елку на Рождество было любимым делом не только детей, но и взрослых. В рассказе А.П.Чехова. «Мальчики» (1887 г.) Катя, Соня и Маша с отцом готовят украшения для елки: «После чаю все пошли в детскую. Отец и девочки сели за стол и занялись работой, которая была прервана приездом мальчиков. Они делали из разноцветной бумаги цветы и бахрому для елки. Это была увлекательная и шумная работа. Каждый вновь сделанный цветок девочки встречали восторженными криками, даже криками ужаса, точно этот цветок падал с неба; папаша тоже восхищался». Елку ставили не только дома, но и в городе на площадях: «Перед Рождеством, дня за три, на рынках, на площадях, — лес елок. А какие елки! Этого добра в России сколько хочешь. Не так, как здесь, — тычинки. У нашей елки... как отогреется, расправит лапы, — чаща. На Театральной площади, бывало, — лес. Стоят, в снегу. А снег повалит, — потерял дорогу! Мужики, в тулупах, как в лесу. Народ гуляет, выбирает. Собаки в елках — будто волки, право. Костры горят, погретесь. Дым столбами» (И.Шмелев. Лето Господне)...

Минули десятилетия. Миллионы детей вновь над украшенной елкой увидели путеводную звезду Вифлеема. А под ней — Богомладенца, Который родился для того, чтобы для нас окончилась духовная ночь.

Иеромонах Иов (Гумеров).

Времена года

I

Весна шикарно правит свой приход,
Устроив красок пышное веселье.
От суеты похож на новоселье
Знакомых птиц блистательный прилет.
Природы песня звучна и легка,
Бодры лесов зеленые покровы;
И каждый миг исполнен жизни новой,
И дышит ветер сладостью цветка.
... Так учит нас весна не унывать,
Оставить в прошлом ветхие стремленья.
Спешить туда, где свежесть обновленья,
Туда, где жизни лучшей благодать.

II

В беспечный мир, разбуженный весной,
Нагрянет лето мудрым ревизором,
Оно окинет все практичным взором,
Не обольщаясь пышностью пустой;
Ведь лето любит добрые плоды, –
Все то, что раньше зиждилось, вязалось,
В цветеньи нежном сказочным казалось –
Желая довести до полноты.
... Тем самым лето дарит свой совет,
Вещая нам, в созвучии с природой, –
Что каждый в жизни ценится по плоду,
А кто бесплоден – праздный пустоцвет.

III

Распишет осень тихие леса
Своим коронным сказочным узором.
Так дивно все! Но только грусти зовом
Наполнены природы голоса.
Душою чуткой можно уловить,
Как обреченно сила жизни тает,
Как вся природа мирно угасает...
И ничего нельзя остановить.
... Так, раскрывая важный свой урок,
«Ничто не вечно» – убеждает осень, –
Сегодня ты силен и плодоносен,
А завтра жизнь подводит свой итог.

IV

Замкнет зима времен неспешный ход,
И, воцарившись, станет безутешно,
Морозным днем и воем вьюги снежной,
К своим порядкам приучать народ...
Когда ж иссякнет жажда новизны,
Когда рассудят: дни надежд бесплодны, –
Тогда внезапно... в зимний мир холодный
Прольется жизнь ликующей весны.
Зима нас учит: чем трудней нести
Тебе свой крест (когда надежды мало),
Чем резче боль и глубже скорби жало, –
Тем ближе Бог, желающий спасти.

Священник Алексей Зайцев.

ПРИМЕЧАНИЕ

Газета нуждается в финансовой поддержке. Будем рады любому сотрудничеству, особенно со студентами и преподавателями КГСХА.

Просим извинения за качество фотографий. Снимки сделаны из журналов.

В газете использованы материалы журнала «Фома», сборника «Душа – встреча с Господом», православных сайтов.

Уважаемые читатели! Наша газета содержит изображения святых символов. Убедительно просим бережно обращаться с газетой.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
156530, Костромская область, Костромской район,
п. Каравеево, Учебный городок, д. 34 (главный корпус),
каб. 220, телефон 62-91-30 (доб. 4202)
Редактор **Н.В. Киселева.**
Верстка **Н.М. Соколовой.**

Отпечатано в ГП «Областная типография им.
М. Горького» 156961, г. Кострома, ул. П. Щербины, 2.
Тираж 200 экз. Заказ 1876.
Время подписания в печать:
по графику – 17.00, фактически – 17.00